

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

РАССКАЖИ МНЕ ПРО ПАРИЖ

РАССКАЗ

— Здорово, господа!
— А здесь не все господа,
есть и хорошие люди.

*Русская народная
поговорка*

Вернувшись из командировки в дальний район области, журналист Александр Иванович Сушилов утром по привычке пришел в редакцию отчитаться за поездку, хотя его никто и не торопил.

Старый газетный волк, Александр Иванович года полтора назад ушел на пенсию, но продержался на ней неделю. Его службу длиною в сорок лет государство оценило в двести восемьдесят семь рублей в месяц. Правда, была в семейном бюджете еще и меньшая пенсия жены, бывшего библиотекаря, но ее хватало только на оплату квартиры с телефоном, и Сушилов, чтобы не сесть на хлеб и воду, решил еще поработать.

Но идти опять в штат редакции ему не хотелось. В газету пришли новые люди — господа и в основном молодые “с улицы”, мало что слышавшие о журналистском образовании, ну а о журналистской этике и вовсе понятия многие не имели.

Редактор газеты Володя Паншев, давний знакомец Александра Ивановича, взял его работать по договору, и это устраивало обоих. Редактора, что в газете

ГРЯЗЕВ Александр Алексеевич родился в 1937 году в селе Борок Буйского района Костромской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт. Автор книг прозы “Подобру да поздорову”, “Чтобы свеча не угасла”, “Грех изгужена”, пьес “Всего два дня”, “Одиноким предоставляется общежитие”. Член Союза писателей России. Живет в Вологде. В настоящее время — ответственный секретарь Вологодской писательской организации

будет трудиться честный и надежный журналист, а Сушилова то, что он становился вольной птицей и сам решал, о чем писать и куда лететь.

С тех самых пор и колесит, как в прежние молодые годы, Александр Иванович по районам необъятной области, в том числе и в свои родные места заглядывает. А там, в деревне, в шестнадцати километрах от райцентра, живет его восьмидесятилетняя мать.

Раньше Сушилов ездил к матери едва ли не каждую неделю. Три-четыре часа на поезде, а потом на автобусе, немного пешком — и он в родном доме на берегу речки Пашмы. Но с недавних пор цены на поезда и автобусы так подскочили, что на одни билеты уходила треть его пенсии. Ездить к матери Александр Иванович стал намного реже, а потом и вовсе перевез мать к себе, но та, пожив неделю в четырех стенах его квартиры на седьмом этаже многоэтажки с лифтом, вдруг заскучала и заявила сыну: “Вези меня обратно”.

Обратно — это значит к соседке Шуре, к подруге Вале, к сестре Надежде, а еще к речке, к лесу, к родной избе и печке. В деревне много одиноких старух: мужья их поумирали или еще в войну погибли, а детей разбросало время по свету.

У Сушилова была еще сестра Ольга, но та жила с мужем в Хабаровском крае, редко сюда приезжала, а теперь и вовсе стала как отрезанный ломоть.

Александр Иванович отвез мать в деревню еще зимой, а в первые майские дни посадили они с женой там картошку, лук, свеклу и прочие овощи, и вот только сейчас, уже в самом конце лета, Сушилову опять удалось навестить мать... Но об этом в отчетном материале он сегодня писать, конечно, не будет...

...В коридоре редакции было непривычно тихо. Только из-за неплотно прикрытых дверей какого-то кабинета доносился стрекот пишущей машинки.

Сушилов прошел в дальний конец коридора и отворил двери кабинета корреспондентов отдела информации, где он всегда работал, приходи в редакцию.

Из двух столов, что стояли в комнате, один был занят. За ним сидел Паша Зайков из того самого информационного отдела. Едва поздоровавшись с Сушиловым, Паша весело спросил:

— Александр Иванович, хочешь анекдот? Самый свежий, читатель прислал.

— Давай, — согласился Сушилов, усаживаясь за свой стол.

Зайков взял бумажный лист.

— Значит, так...

“Старый чеченец говорит молодому:

— Сынок, нам нельзя воевать с Россией.

— Это почему?

— А вдруг победим?”

Ну как? Хорошо?

— Хорошо, — согласился Сушилов. — Главное, современно.

— Тогда ставлю в подборку, — зашепестел бумагами Зайков.

Он был как раз из тех, кто раньше отношения к журналистике не имел. Ныне в газете Паша вел субботнюю полосу, где печатались анекдоты, разные байки и прочая пошлость, собранная Пашей из разных журналов, газет и разговоров. Коллег, пытающихся критиковать, Паша сражал неотразимым аргументом: “Это нужно читателю”. Какому читателю и зачем нужны были пошлости, Зайков не объяснял и продолжал выпускать свою полосу субботнего дня, на которой иногда, правда, попадались чистые и славные юморные вещи. Но это были, как говорят, “алмазы в навозе”.

— Паша, не знаешь, редактор у себя? — спросил Александр Иванович.

— Не знаю, — ответил Паша, не отрываясь от своих бумаг. — Я его не видел.

Сушилов встал из-за стола и пошел в редакторский кабинет, но секретарша Нина сказала, что Паншев уехал на пресс-конференцию губернатора области и будет только к обеду.

Возвращаясь обратно, Александр Иванович у дверей отдела культуры столкнулся с выходящей из кабинета Наташей Серебровой.

— Ой, Саша, привет! Ты откуда?

— Из командировки. Ездил к нам в район. А ты как?

- А я в Париже была. Только вчера приехала.
- Как в Париже? — не понял Сушилов. — Шутнишь, Натали?
- Какие шутки, Саша! Да и чего в этом удивительного в наше-то время?
- Я не об этом. Ты ничего не говорила, что поедешь.
- Боялась сглазить.

Наташа Сереброва тоже вот-вот должна была уйти на пенсию, а Александр Иванович помнил еще то время, когда она, выпускница факультета журналистики МГУ, стажировалась у него в отделе информации "Северного края" и Сушилов даже был в нее тайно влюблен в те далекие годы. И с той же самой норы звал ее Натали.

- И как ты надумала?

— Да очень просто. Еще в прошлом году прочитала рекламу туристской фирмы, обо всем там расспросила и стала копить деньги. Вот и все.

- В Лувре была? Монну Лизу видела?

— Была, видела.

- На Эйфелеву башню поднималась?

— Поднималась, Саша. Все видела... Да ты сейчас приходи к нам. Я вот за водой пошла, чай сделаю. Все и расскажу. А из Парижа я бутылочку бургундского привезла, приходи.

— Хорошо, Натали, — кивнул Сушилов, — вот только за сигаретами до киоска сбегаю.

И Сушилов, не заходя к себе, побежал вниз по лестнице на улицу, где за углом здания редакции, как раз напротив рынка, стоял целый ряд киосков. Он купил пачку "Явы" и тут же вернулся обратно.

Зайкова в кабинете не было. Александр Иванович бросил свои бумаги в ящик стола и направился к Наташе, оставив ключ в двери.

Первым, кого увидел Сушилов в кабинете Наташи, был Паша Зайков. Он о чем-то говорил, жестикулируя. Кроме него там сидел ответсекретарь Коля Миншин. Сама Наташа со своей помощницей Светой хлопотала у маленького чайного столика в уголке у окна.

- Проходи, Саша, присаживайся, — пригласила Наташа.

Сушилов поздоровался и сел в кресло.

— А что за приятель-то? — спросил Коля Миншин Пашу, продолжая прерванный разговор.

— Да мой... Познакомился с бабой недавно, адрес взял, телефон, а звонить стесняется. Я и говорю ему, чем страдать-то, заглянул бы к ней. Да я, говорит, уже заглядывал. Ну и че там, спрашиваю. А там, говорит, прокладки с крытышками, — досказал Паша свою историю и первый громко захохотал.

- Паша! — прикрикнула на него Наташа. — Оставь свои пошлости!

— Если я пошляк, то что же такое телевизор? Там эти пошлости через каждые пять минут показывают, — защищался Паша.

- Телевизор выключить можно — съязвила Наташа.

— Принимається, — не обижаясь, поднял руки Зайков. — Умоляю.

— На-ка, лучше вино открой, — предложила ему Наташа и подала Паше пузатую, темного стекла, бутылку.

— О, никак Франция! — воскликнул Паша, всматриваясь и читая надпись на белой, во весь широкий бок этикетке. — Бургунд... Так это же бургундское, знаменитое бургундское. О, как давно я не пил французского вина!

- А ты вообще-то его пил? — спросила Света.

— Ну как же... Коньяк, шампань... А вот бургундского еще не пробовал.

Женщины выдвинули на середину комнаты столик с бутербродами, Паша, открыв бутылку, разлил по стаканам темно-красное бургундское.

- За что пьем-то? — спохватился Паша.

— За Наташу, конечно, — сказал Сушилов. — За ее воспоминания о Париже.

— Спасибо, Саша. А я за всех вас, — ответила Наташа. — В Париже хорошо, а дома среди своих все равно лучше. Убедилась... Будьте здоровы, дорогие мои.

- А ты сама-то там вина попила? — спросил Паша.

— А мне зачем? Хотя первый раз поднесли еще в самолете, когда в Париж летели.

— Подожди, Паша, не перебивай, — вступил в разговор Коля Мишин. — Наташа, ты давай по порядку.

— Хорошо, — согласилась Наташа. — Вообще Париж, ребята, это сказка! А я давно мечтала побывать в этой сказке. И в прошлом году решила. Целый год деньги копила.

— А дорого? — спросил Паша.

— Да нет, не намного дороже, чем путевка в наш местный санаторий “Старый источник”... Ну вот... Потом пришла здесь в эту самую фирму, заплатила и поехала в Москву.

— Одна? — подал голос и Сушилов.

— Нет, Саша. Я же еще свою внучку Катьку в Париж возила. Она нынче у меня в седьмой класс пойдет... В Москве билеты на самолет получили — и в Шереметьево.

— Сколько летели до Парижа? — спросил Паша.

— Часа три с половиной. В общем, приземлились в аэропорту Шарля де Голля в тринадцать часов по парижскому времени. Это я точно помню. Встретили нас представители фирмы и повезли в гостиницу... И очутились мы с Катькой сразу в другом мире...

— Ну, а потом? — опять не стерпел Паша.

Вопросы задавал почему-то один Зайков, но его никто не одергивал. Наверно, каждый спрашивал бы о том же.

— Потом пообедали в гостинице. Кстати, кормили один раз в день — шведский стол в обед.

— А при чем тут шведы? — не понял Паша.

— А это когда вся еда на большом столе, — пояснила Наташа, — и первое, и второе, и прочее. И ты сам в свою тарелку кладешь все, что твоей душе угодно.

— Здорово. А вино?

— За вино надо платить отдельно.

— Ясно. Дешевле с собой взять, — по-своему рассудил Зайков. — Поехали дальше.

— Дальше — в автобус и на первую экскурсию по Парижу, — продолжала Наташа. — Поехали сразу на Монмартр. Об этом месте Парижа, думаю, слышал каждый из вас.

— А что там? — спросил Паша.

— Ну, во-первых, мы осмотрели там на горе огромный собор, Сердце Христа называется. Я о нем раньше и не слыхивала. Про собор Парижской Богоматери знала, а про этот нет... Потом там же на Монмартре — царство художников, поэтов. Художники работают прямо на улице, хватают туристов за руку и предлагают написать портрет. Многие позируют, но мы с Катькой отказались: денег-то нет... Еще там много магазинов, кафе, а народу всякого — толпы... Итальянцы, испанцы, американцы, японцы, индийцы, короче — люди со всего света. Иной раз думаешь: а где французы-то постоянные? Но особенно много в Париже лиц африканской национальности. Они на мою белогловую Катьку так глаза пялили, что та их даже бояться стала...

Наташа еще долго и почти взахлеб рассказывала о Париже.

О Елисейских полях и Эйфелевой башне, о музее Эдит Пиаф и Версале, о прогулке на катере по почной Сене и о маленьких улочках в центре Парижа, о Лувре, Монне Лизе, музее Родена и Центре Помпиду, о шарманщиках и бродячих артистах, о шансонье в подземных переходах... И видно было, что Наташа все еще жила этим и была счастлива...

— А ты, Натали, случаем, во французской деревне не была? — неожиданно спросил Сушилов.

— Нет, не была. Возила внучку только в Диснейленд под Париж, но это за отдельную плату. И я не пожалела: это еще одна сказка. Обидно, что наши ребяташки даже обычного парка не имеют.

Бургундское давно кончилось, и Паша сбегал за каким-то то ли молдавским, то ли грузинским сухим вином. Сушилов пытался было идти к себе, но его уговорили остаться. Тем более что на завтра Паша брал себе отгул и кабинет будет свободным. Александр Иванович согласился продолжать чаепитие, втайне надеясь еще сегодня посидеть за столом.

Но перед самым обедом в редакции появился сам Володя Паншев, и Зайков побежал уже за коньяком. Так что ни о какой работе нечего было и думать, и Александр Иванович смирился...

На другое утро Сушилов пришел в редакцию раньше вчерашнего. Во рту было сухо и побаливала голова, но он, запершись в кабинете и заварив крепкого чая, сел за стол, положил перед собой чистые листы бумаги и стал листать записную книжку...

...В райцентре в первый день командировки Александр Иванович не стал задерживаться и сразу же с вокзала на утреннем автобусе поспешил к матери.

Как всегда, он не поехал до конечной остановки в селе, а вышел раньше на отворотке и направился к дому по старой тропинке вдоль берега речки Пашмы.

Александр Иванович любил эту тропинку. По ней в детстве бегал он в лес по ягоды и на покосы, по пей провозжал до большой дороги родных и друзей, по ней уходил и возвращался сам. Именно ступая на эту тропку, он всякий раз начинал ощущать себя деревенским человеком, временно живущим в городе.

...Мать не знала, что сегодня у нее будет гость, и не вышла встречать сына, а увидав его переступившим порог, ойкнула, молча подошла, обняла и заплакала.

Прижимая к себе исхудавшее и вздрагивающее тело матери, Александр Иванович едва не зарыдал сам, но сдержался. Он долго стоял и успокаивал мать, а потом посадил ее на стул у окна и сам сел напротив.

— Я так тебя ждала, так ждала, — заговорила она первой. — А ты все не едешь и не едешь!

В словах матери была не обида, а лишь какая-то детская беззащитность.

— Прости, мама... Не мог я раньше приехать. Мотался по другим районам. И вот только сейчас удалось сюда. Прости...

— Да я ничего, сын... Только вот недавно подзаболела чего-то и думала, что уж больше тебя не увижу.

— Ну что ты, мама. А телеграмму чего не дала, как договорились?

— Да не хотела беспокоить. Ведь твоя Лидка недавно была. Фельдшерница Света мне уколы поделала, которые ты привозил. Шура-соседка в магазин ходила. Сейчас-то все хорошо. Слава Богу.

— Лекарства я тебе привез, — спохватился Александр Иванович.

Он распахнул большую сумку, достал оттуда коробочки с лекарством и нехитрые гостинцы.

— Спасибо, сынок. Еда у меня есть, а за лекарство спасибо. А то в нашем медпункте только добрым словом и лечат. Лекарства надо с собой приносить.

— Ну и как же вы тут живете?

— Да как, сынок... Вымираем потихоньку. Пока вот тебя лето не было, так четверо убралось: Николай Иванович с нашего порядка, Глафира, Манефа да Анна Сергеевна. Кто от старости, а кто от болезней. Да и как не умирать-то, если без лекарства от болезни спасения нет, а купить не на что. Вон Федька Хомутов поехал в райбольницу, когда его клещ укусил, так за два укола, говорит, пришлось сто рублей выложить, а лекарства, чтобы дальше лечиться, и вовсе покупать не стал — не на что.

Александр Ивановичу все это было известно. Таких же случаев и даже пострашнее он и сам знал великое множество по всей области.

Радио в здешних деревнях давно уже было отключено, газет никто не выписывал, хлеб привозила из райцентра автолавка, клуб в селе был закрыт, библиотека не работала. В такой разрухе деревня не жила даже после войны, когда полстраны лежало в развалинах...

— У тебя телевизор-то все не работает? Давай свезу в мастерскую, — сказал Александр Иванович.

— А зачем он мне? Только глаза от него слезятся. Вот радио отключили, так жалко. Все как-то чувствуешь, что не одна в доме, да и последние известия на дне не один раз услышишь.

— Вот картошку копать приедем, и я привезу тебе приемник, — пообещал Александр Иванович. — А на зиму я тебя увезу к нам. Хорошо?

— Не знаю, сын, не знаю. Теперь ведь у нас в селе в церкви служба идет. Пока отец Лаврентий по воскресеньям да по праздникам служит, а потом и совсем сюда переедет. Теперь-то у нас и на душе светло.

— А как тетя Надя живет? Не болеет?

— Пока слава Богу. Ей что, рядом сын Анатолий. Все не одна.

— Толя-то не на пенсии еще?

— Собирается, ждет... Да вон он и сам... Легок на помине.

Александр Иванович глянул в окно и увидел идущего по пешеходным лавам через реку к их дому двоюродного брата Анатолия, а скоро он и сам появился в дверях избы.

— Здорово, хозяева, — проговорил Анатолий, переступая через порог.

Александр Иванович встал ему навстречу, и они обнялись.

— Я давно к тетушке собирался, а сейчас сказали, что ты приехал, — говорил Анатолий, не ожидая вопросов. — Тонька Иванова с питерского поезда вместе с тобой в автобусе ехала. Ну, я и потопал.

— Вот и хорошо, что пришел. Раздевайся, сейчас обедать будем, — сказал Сушилов.

— Ой, — поднялась мать, — а что это я и выправду тебя разговорами-то кормлю. Ведь у меня и щи, и картошка в печке. Сейчас чайник поставлю.

Скоро на столе парила картошка и простая деревенская закуска, а посреди всего стояла бутылка водки со странным названием "Господа офицеры", которую Александр Иванович прихватил из города.

— А ты все еще работаешь? — спросил Сушилов Анатолия.

— А зачем? Работы нет, а кто работает, тот второй год живых денег не получает. Так зачем на работу ходить, если денег за нее не дают? Вот я и не хожу. Мне до пенсии три месяца осталось. Как-нибудь дотяну.

— А что с колхозом бывшим?

— Все давно развалилось, Саня. Вот говорят, что раньше, мол, было колхозное рабство, а нынче демократы создали новую общность людей.

— Какую же?

— Свободные рабы... Те, кто гуляет без работы, и те, кто работает, а денег не получает.

— Неужели так все развалилось? Ведь крепкое хозяйство было.

— Еще этой весной кое-какая надежда была, а теперь... Никому ничего не надо. На ферме почти всех коров прирезали на мясо. Отсеялись весной хорошо, а убирать некому и нечем. Сто гектаров ржи, овса да около того ячменя и рапса еще не убрано. Все, как в прошлом году, под снег уйдет... Вот такие дела.

— А что же ваше начальство?

— А что начальство? Оно в городе живет. Уж третий председатель себе дачу кирпичную строит.

— А вы? Вы-то чего молчите?

— А что тут сделаешь?

— Вот ты говоришь: никому ничего не надо. Но вам-то, сельским жителям, нужна достойная жизнь?

— Ясно, что нужна.

— Так зачем же выбираете таких председателей, которые разваливают хозяйство? Ведь их никто не назначает. Не молчать надо, а выступать.

— Эх, Саня, — вздохнул Анатолий и глянул на брата, как на малыша. — Кому выступать-то... В хозяйстве одни старухи, молодежь вся ушла работать, где деньги платят, или вон в палатках торговать. А те, кто остался... Говорю тебе — свободные рабы.

После разговора с Анатолием на душе у Александра Ивановича было горько и тревожно. Погостив у матери еще два дня, Сушилов поехал в райцентр...

Там Александр Иванович напрямик направился к своему давнему приятелю, редактору районки Сереже Нокатилову. Так делал он всегда, ибо знал, что вся нужная ему информация находилась в газете. Напитавшись ею, можно было идти и к районному начальству...

...Покатилов сидел за столом, и Сушилов сразу же, как только вошел в его кабинет, почувствовал, что тот сильно чем-то озабочен. Сергей не выбежал из-за стола, как бывало раньше, и не распростер руки для объятий.

— О чем задумался, детина? — спросил Александр Иванович, здороваясь с Сергеем.

— Задумаешься, Саня, — мрачно произнес Покатилов. — Выпуск газеты остановлен, понимаешь! Впервые за шестьдесят лет существования. Уже неделю стоим.

— Что так?

— Типография отказалась печатать газету. Мы им должны на сегодня уже больше миллиона. И там людям нечем платить зарплату. Короче говоря — приехали...

...Конечно, Сушилов знал, что трудности в районных газетах начались не сегодня и не вчера, а гораздо раньше. И не один Покатилов со своим "Восходом" нынче сел на мель.

Сперва в газете не стали платить авторский гонорар, да и авторы перестали писать — на конверты не было денег. У редакции тоже. Потом сократили число выпусков в неделю и правдами и неправдами уговаривали печатников поработать в долг под обещания областного и местного начальства...

— Ты ведь приезжал в область со своими проблемами? — спросил Сушилов.

— Да... И не один раз. И не я один. Всех нас там успокаивали, выдавали бумажные обещания о выделении денег и — тишина... Кстати, Саня, у тебя будет встреча с нашим начальством?

— Да, сейчас от тебя позвоню и договорюсь на сегодня или на завтра.

— Тогда у меня к тебе просьба: поговори о нас... Понимаешь, у меня подозрение, что деньги для нас из области пришли, но местная власть употребила их на другие цели. Нужда в деньгах у всех.

Александр Иванович пообещал другу похлопотать и в свою очередь спросил:

— А как у вас вообще положение в районе?

— Положение лежачее, Саша. Мы не только не стоим на ногах, но даже и па четвереньках.

— Неужели все так безнадежно?

— Ну, как тебе сказать... — Покатилов взял со стола какую-то бумагу. — Вот послушай... За прошедшие семь месяцев в районе родились семьдесят три младенца, и за это же время ушли из жизни двести с лишним человек. Страшные цифры, Саша. И они повторяются каждые полгода. Участились случаи самоубийства. Люди лишают себя жизни из-за безнадежности: то работы нет и не предвидится, то работа есть, но деньги годами не платят. Мужики пьют беспорядно, убивая себя алкоголем. Деревня вымирает, просто вымирает, Саша.

— Но это не является тайной, — сказал Сушилов.

— В том-то и дело, — согласился Сергей. — Никуда не денешься от мысли, что все это задумано кем-то. Ведь такое положение не только у нас, но и во всех районах, и в соседних областях. А если учесть, что сельское население сплошь русское, то можно говорить о вымирании русских вообще. Как это называется?

— Геноцид...

— Вот именно. Или война против нас, русских... Холодная... Вот послушай, если не читал, — и Покатилов взял в руки газету. — В "Труде" один деятель, называющий себя демократом, вполне серьезно пишет: "Наверно, молодое поколение вполне освоится в ужасной правде капитализма, только придется потерпеть, пока вымрет поколение тех, кто помнит прекрасную ложь социализма". Так-то вот. Разрушители России даже не стесняются в открытой печати говорить о своих планах... Ты знаешь, Саня, мне часто бывает стыдно за свою профессию... Боже мой!.. Сколько в газетах вранья, злобной иронии, пошлятины и прочей всякой грязи. А тележурналисты умудряются врать даже в программах новостей. И все это подается на уголовном жаргоне: приколы, наезды, прикиды, фени, тусовки, разборки, халява...

— А ты вот это читал? — спросил Сушилов и достал из сумки взятую в дорогу газету, развернув, стал читать: "Молодой парень желает познакомиться с мужчиной до тридцати лет для интимных встреч".

— Ну, это значит, что в редакции работают педерасты или, во всяком случае, им сочувствующие.

— Нет, Сережа, — не согласился с другом Александр Иванович. — Все это и есть демократия. Педерастия — болезнь демократическая. Ну, а насчет нашего брата журналиста ты, конечно, прав. Много среди них людей с психологией “интердевочек”. Что, однако, им не мешает считать себя четвертой властью.

— Те, кто так считает, выдают желаемое за действительное... Ты помнишь давнюю статью в “Журналисте”, где тогдашний американский президент называет своих журналистов “сукиными детьми”?

— Как же, помню.

— Господи, неужели наш народ достоин власти еще и “сукиных детей”? Это куда же мы идем, Саня?

— Мы не идем, Сережа... Нас ведут.

— Пусть так. Но куда?

— Назад к обезьяне.

Покатилов закурил и несколько успокоился.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Как прав, пророчески прав был Николай Рубцов в “Видениях на холме”. Ты ведь, Саша, лично знал его?

— Да, я Колю хорошо знал. А ты о каких строчках говоришь?

— А вот об этих: “И не леса мне видятся окрест, а лес крестов в окрестностях России”.

— Но в этом же стихе есть у Рубцова и другие строчки: “Россия, Русь! Храни себя, храни! Смотри, опять в леса твои и доли со всех сторон нагрянули они, иных времен татары и монголы”.

— Да, согласен. Это завет и предупреждение всем нам. Но кому хранить-то, Саша! — воскликнул Сергей. — Погляди — и телевидение, и газеты постоянно вдалбливают в сознание молодых мысль: родина там, где хорошо.

— А ты на своем месте вдалбливай другое. Не надо опускать руки, Сережа. Ты не прав, когда говоришь, что хранить Русь некому. Есть люди, для которых Отечество — не пустой звук. А пока они есть — будет жить и наша матушка Русь.

— Но как я сегодня буду проводить эту мысль? — спросил Покатилов.

— Словом, Сережа, словом. Через свою газету, которая начнет выходить все равно. Это и будет твое дело. Пойми: наше настоящее завтра будет прошлым, и что тогда скажут о нас еще не родившиеся правнуки, для которых мы храним завещанное?

— Ты видишь выход из этого демократического бардака?

— Я старый монархист, Сережа, и спасение наше вижу в православной монархии, которой нас лишили насильно.

— Поясни.

— Я глубоко убежден, что России не нужен президент. Эта должность для нас чужеродна. России нужен Государь. Ибо только Государь может быть отцом нации. Государство — это как семья. Так как же в ней без отца?

— А президент?

— Президент не может быть отцом нации. Он — приходящий папа на четыре-пять лет. Потом снова выборы, снова словесными боями взбудоражено общество, а Государь — это стабильность. Это то, чего нам и не хватает. Согласен?

Покатилов ответил не сразу.

— Для меня это несколько неожиданно. Надо подумать, чтобы согласиться.

— Вот ты и думай, Сережа, думай...

— У меня от дум, Саня, голова пухнет...

...Сушилов захлопнул блокнот, отбросил ручку и, закулив, подошел к окну. Оно выходило на базарную площадь, сплошь уставленную рядами разноцветных торговых палаток. Здесь, пожалуй, было самое бойкое место в городе, и, глядя сейчас на суетящихся за окном людей, Александр Иванович подумал о том, что, может, им, вот этим людям, совсем и не нужно все то, о чем он хотел сказать.

Ему впервые вдруг расхотелось писать.

“И зачем мне все это надо? — думал Сушилов. — Ну, напишу, а что изменится? Писал и до сего дня сотни раз... Ну и что? Лучше стало? А может, надо писать? Для тех, кому это надо... Для себя...”

...Сушилов вдруг затушил сигарету, взял свою сумку и быстро вышел из редакции. Минувя палатки с заморскими товарами и галдящей толпой покупателей, Александр Иванович свернул на проспект и там на углу в магазине купил на оставшиеся от командировки деньги бутылку коньяка и плитку шоколада.

Возвращаясь обратно и задержавшись у табачной лавки, Сушилов вдруг почувствовал, что кто-то дергает его за полу пиджака. Он оглянулся и увидел мальчишку лет семи. Рядом с ним стояла совсем маленькая девочка. Александр Иванович вопросительно глянул на малыша.

— Дяденька, — заговорил тот. — Дай нам, пожалуйста, денежек на хлеб. Мы есть хотим... Папа наш в тюрьме, а мама все пьет и пьет и нас не кормит... “Господи, что с нами сделали”, — подумал Сушилов, глядя на грязных и неухоженных ребятшек.

Он отдал им шоколад, вытряс из кошелька все остатки денег и почти побежал в редакцию...

В коридоре Сушилов остановился у двери напротив своего кабинета, постучался и тут же распахнул ее.

— Можно? — громко сказал Сушилов.

Наташа Сереброва сидела за столом и что-то писала. Она коротко глянула на него и опять начала писать.

— А, Саша, заходи... Садись... Я сейчас, подожди, — как-то рассеянно проговорила Наташа.

Александр Иванович сел в кресло напротив, но ждать не стал.

— Слушай, Наташа...

Заметив его настойчивость, она отложила ручку.

— Ну, слушаю, Саша.

— Расскажи мне про Париж.

У Наташи недоуменно изогнулись брови, а нижняя губа ее все еще красивого рта смешно вытянулась.

— Ты че, Саня?! — удивленно сказала она. — Я же вчера вам всем полдня рассказывала про Париж! Ты че, не слушал, что ли?

Александр Иванович достал из сумки бутылку коньяка и поставил ее перед Наташей.

— А ты сейчас мне одному Расскажи, — попросил Сушилов.

— Ничего я тебе рассказывать не буду, Саша. Пишу материал срочно в номер. Извини...

— Ну и ладно, и добро... Я ведь чего зашел-то... Вот скажи: долго мы еще так жить будем?

— Как это — так?

— Ну... безумно, бездомно, бездуховно, безденежно, безработно, беспризорно.

— До тех пор, Саша, пока люди хотят этого.

— А при чем тут люди?

— А как же! За такую жизнь многие сами же добровольно и голосовали. Так что винить некого: что хотели, то и получили, а получили то, что заслужили.

— Да, да, конечно. Я с тобой согласен. Но не все так безнадежно, хотя это тебе не Париж.

— Что о Париже говорить? Его надо видеть. Вот поедешь и сам все увидишь.

— Никуда я не поеду... Лучше я пойду и с кем-нибудь сейчас выпью... За... как это у Коли Рубцова, помнишь? За недолгую нежность в груди. Поняла?

Вот так! — Александр Иванович встал с кресла и, немного помолчав, добавил: — И что бы с нами ни делали, Натали, мы будем жить! Жить и работать! Будем!

Сушилов взял со стола коньяк и под недоуменный взгляд Наташи вышел из кабинета.

